

Мария Василенко

ТЫ ГДЕ?

РЕАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ
ОДНОГО ГОЛОВНОГО МОЗГА

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

ПРЕДИСЛОВИЕ

Москва, июль, 2016

– Так, всё. Если просижу с тобой ещё пять минут, я точно опоздаю. – Выпив последние капли крошечного эспрессо, мой муж встал из-за стола. – Не обидишься? – шутливо добавил он.

В его больших ладонях этот крошечный напёрсток всегда смотрится слишком трогательно.

Не понимаю, как он может пить эту крепкую микрогадость.

– Вечером ужинаем дома, – напомнила я.

– Я буду пораньше, – украдкой меня поцеловав, он наконец собрался и вышел. До офиса ему ехать минут двадцать, успеваешь. Ну и прекрасно.

Удивительно, но едва ему стоило скрыться за поворотом, течение времени будто бы замедлилось раза в два. Восемь лет в браке, а мне до сих пор немного грустно, когда он куда-то уходит.

Я осталась завтракать в одиночестве.

Сквозь непонятого происхождения дымку, зависшую над Москвой, в окна пробивалось солнце. Можно было бы неторопливо попивать свежевыжатый апельсиновый сок и наслаждаться хорошим отельным завтраком, но в 8:30 буднего утра в бизнес-отеле атмосфера совсем иная.

За окном город торопился на работу, Садовое кольцо стремительно вставало в пробку. Этот город давно во власти людей, зарабатывающих для себя деньги. И порой забываешь не только о чувствах, но и просто посмотреть по сторонам. В это утро у меня внезапно нашлось время на всё вместе: и на завтрак, и на чувства, и на рассмотрение всех четырёх сторон света.

Я совершенно случайно этим утром оказалась в царстве бизнес-завтрака на Садовом кольце. Это совершенно не моя среда. Но вместо неловкости я испытывала чувство любопытства. Я с интересом разглядывала людей. За каждым столом вокруг меня либо происходили бизнес-встречи, либо к ним активно готовились. Каждый преследовал свою цель: съесть тост с маслом, а потом захватить мир. Или кашу, а потом немного заработать. Со всех сторон лилась рекой английская речь и кофе американо.

Мой взгляд задержался на идеальной женщине, словно с рекламного буклета какого-нибудь банка: азиатка, чёрные, очень ухоженные, средней длины волосы, умеренно красная помада, слегка подведены глаза, аккуратный и строгий темно-синий, почти чёрный костюм согласно дресс-коду мировых стандартов. Вполне себе стройные, но все-таки крупноватые ноги украшали ярко-красные туфли на невысоком, ровно как и положено по тем же правилам, каблуке.

Она явно готовилась к важному завтраку и, пока была еще одна, немного трогательно выбирала хлеб для тостов. Этот белый? Или, может быть, всё-таки серый со злаками? Или всё же лучше белый?

Вообще-то женщине, сошедшей с рекламного буклета, так не полагалось.

Я продолжила её рассматривать, будто что-то искала: на одной из туфель слетела набойка и поцарапался каблук.

Бинго! Теперь я вижу, что она точно настоящая. И, как многие женщины, царапает каблук и не успевает отнести любимые туфли в мастерскую перед важной встречей.

Я огляделась по сторонам и принялась искать в каждом сидящем в этом зале «слетевшую набойку». Вот идёт мужчина с фигурой и лицом итальянского мачо. Вы же помните тот стереотип, что итальянцы всегда неприлично хорошо одеты, так что изъяна не найти. Хотя невыспавшееся и злое лицо данного «мачо», пожалуй, и есть та самая «слетевшая набойка». Он жевал полезные мюсли и запивал их чёрным кофе, и с набитым ртом что-то говорил на английском своим собеседникам из России. Я точно не слышала, но, судя по выражению его лица, это вполне могло быть что-то в духе: «Скажите спасибо, что я вообще с вами сижу».

Вот, например, молодой парень в зелёных шортах и белых мокасинах. Что он тут делает в своих зелёных шортах в среду утром, среди всех этих людей с амбициями, захватывающих корпоративный мир? У него очень доброе лицо и немного мятая рубашка поло. Наверняка в чемодане помялась, когда вёз. И непохоже, что его ждут сегодня бизнес-встречи. Наверняка тут дело в чём-то более романтичном и лёгком. Хотя, если следовать моде, вполне вероятно, он косит под Стива Джобса, пренебрегая дресс-кодом. Он неспешно завтракает, листает что-то в айфоне, но всё равно чувствует себя скованно. Словно не дома.

Ещё бы. Тут нет ни одного расслабленного человека.

Тем временем на встречу с женщиной в красных туфлях пришли двое мужчин. Обмен визитками, любезностями, тостами, баночками с джемом... и понеслась. У неё, кстати, очень хорошие манеры. Явно мама прекрасно её воспитала. Предположим, что в детстве она слушалась и прилежно училась. А потом выросла, получила высшее образование, такое, какое все мамы желают своим умницам-дочерям, и стала самостоятельной и уверенной женщиной, которой мама очень гордилась бы.

У каждого в этом зале есть мама. И каждого она чему-то учила. Вот того полного американца, сидящего за

предпоследним столиком в моем ряду, наверняка мама хорошо кормила и гладила ему рубашки с не очень модным воротником. Зато с любовью. Теперь он вырос и превратился в огромного розовощёкого стесняющегося парня, неумело злоупотребляющего холестерином в свободное время, и в немодной рубашке.

А вот этот мальчиш-плохиш, за соседним столом, наверняка слушался больше папу. Или вообще никого никогда не слушался. Теперь у него цепь на шее, модный телефон, и он привёз хрупкую блондинку в Москву из, скажем, менее популярного города России. Сейчас он ей тут всё покажет.

А вот у официанта, который несёт для них кофе, очень хорошие глаза. Вероятно, у него очень любящие родители, которые дали ему много тепла, образования и совершенно уместной скромности. Вероятно, у них в семье совершенно не важно, где ты работаешь, главное, чтобы был хорошим человеком. Тем более он не так уж и ужасно работает: в одном из лучших отелей Москвы. Пусть он не постоялец, но он один из тех людей, которым хочешь рассказать о своей жизни, и он, кажется, понял бы.

В общем, практически каждому человеку в этом зале, да и во всем мире в целом, мама дарит своё тепло, заботу и далее по списку, что обеспечивает человека силой на всю оставшуюся жизнь. Недавно прочтала, что однажды те, кто познают «мир без мамы», становятся другими, навсегда иными для тех, у кого в системе координат мама есть. Разница между такими людьми колоссальна. И пусть эта история будет про тех, у кого пока мама есть.

У меня, кстати, есть мама. Она тоже заботливая, ласковая, нежная, мудрая, смешная, трогательная: бывает, звонит не вовремя, бывает, слишком много играет за компьютером, бывает, читает до утра или курит много, излишне за меня волнуется, готовит еды больше, чем я могу съесть... Она у меня хорошая, просто лучшая. И у меня нет и не было к ней претензий, кроме одной – мама умерла четыре года назад.

Я не знаю, почему именно в это утро мне пришла в голову идея написать всё то, что предстоит вам прочесть. Но я абсолютно точно знаю, что это кому-нибудь нужно.

Шесть лет тяжёлой болезни, о которой никто ничего не знает. Шесть лет неловкости. Шесть лет понимания всех тех, кто хочет помочь, но не знает как. И, конечно же, понимания тех, от кого помощи ждёшь, а она так и не приходит.

Шесть лет бесконечных медицинских исследований, непонятных слов, сомнений: «А правильной ли дорогой мы идём?!» – и полной неизвестности.

Шесть лет надежды, сопротивления, любви, ужаса, беспомощности и бесконечной веры в то, что если вместе, то не так страшно.

Это были шесть лет с мамой, но без мамы.

Когда твои близкие умирают – это больно. Когда твои близкие умирают каждый день на протяжении шести лет – этому нет названия.

Это шесть лет издевательства? Да нет, пожалуй. Всё-таки это были шесть лет жизни. Пусть и очень непростой. Лично меня болезнь мамы вывернула наизнанку и, наверное, даже воспитала. Только я, конечно, предпочла бы совершенно другие уроки.

Я на самом деле до сих пор не смогу ответить на вопрос: как бы вы хотели, чтобы ваш близкий ушёл? Быстро, в один миг, или растянуть этот процесс на шесть лет?

Правильный ответ: я не хочу, чтобы мои близкие ушли. Поэтому я, сама того не понимая, боролась с маминной болезнью до последнего дня так, что не позволяла себе и мысли о том, что проигрыш – он уже вот-вот, за последним поворотом.

В России не принято болеть. Здесь нет на улице больных людей, так как они спрятаны по своим домам, из которых мало у кого есть возможность выйти. Несмотря на достаточно большое количество парковочных мест для инвалидов, люди просто не могут выйти из собственного подъезда. И сходить в ближайший магазин за хлебом. Потому что

даже если у крупных магазинов есть пандус, ни одна инвалидная коляска не проедет по этим тротуарам и сломанным бордюрам. Особенно зимой. У нас не пропускают машины скорой помощи на дорогах. Да и сама эта помощь настолько «скорая», что иногда уже и не надо. Некоторые врачи в обычных районных поликлиниках не утруждают себя вниманием и сочувствием, пока их не угостишь денежной купюрой или звонком от очень большой и высокопоставленной должности. Просто потому, что перегружены работой и существуют большие проблемы с финансированием.

И лишь немногие могут работать за всех так, что плачешь от благодарности и признательности.

Всё это мы выучили наизусть за шесть лет этой ужасной болезни, которой порой некоторые врачи боялись больше, чем я, чем вся моя семья.

Чего же боялась сама мама, сказать теперь очень сложно. Потому что способность говорить и ясно излагать мысли она потеряла почти сразу. И несколько лет наши беседы проходили в достаточно сложном ключе. Но всё по порядку. Мне хочется вам всё это рассказать для того, чтобы однажды вы не испугались.

Если вдруг встретите кого-то в инвалидном кресле с отсутствующим взглядом, если кто-то из ваших друзей вдруг перестанет рассказывать о родителях, или же однажды доктор скажет вам невообразимую абракадабру, которая будет означать страшный диагноз, просто знайте: жизнь – она до последнего вдоха. И качество дыхания, пусть и затруднительного, зависит только от вас. И от того, кто рядом с вами.

Р. С. Пока вы не прочитали эту книгу, пойдите, пожалуйста, и обнимите своих маму или папу. Или позвоните. Или, как я, просто улыбнитесь её фотографии. Это всегда лучше, чем совсем ничего.

Глава I

НАЧАЛО КОНЦА

ТЫ ГДЕ?

Осень, 2008 год

Никто не знает, где наступает тот самый момент, когда жизнь в одно мгновение делится на до и после. Это в кино всё случается под символическую тревожную музыку, которая подсказывает самый важный эпизод, на который стоит обратить внимание, а в реальности до тебя всё доходит слишком медленно.

Настолько, что вообще-то можно было бы и побыстрее.

Страшные и неприятные вещи обычно гонишь от себя прочь и отказываешься в них верить. Вероятно, это защитная реакция головного мозга. Который устроен совершенно удивительным образом. С которым иногда нет никакой возможности договориться и найти хоть какой-нибудь общий язык.

Особенно если это что-то, вроде на бумажке записанное: цереброваскулярное заболевание сосудов

головного мозга с паркинсоноподобным синдромом. И что бы это ни значило, но с этим нужно примириться.

Забегая вперёд, скажу сразу две вещи:

первая: чтобы дальше читать, вам вообще не надо понимать и гуглить, что же означает эта абракадабра, написанная в предыдущем абзаце вместо диагноза;

вторая: прежде чем один очень хороший доктор написал это на бумажке и объяснил, что же это значит и что происходит при этом в голове с таким диагнозом, от начала прошло примерно три года. Все остальные разводили руками, назначали новые и новые дорогостоящие анализы и исследования и осторожно выбирали выражения. А некоторые даже выражений не выбирали.

Когда эти «три года» начались, уже никто точно и не скажет. Да и потом, все мы знаем, что когда что-то произошло, то первая стадия – это отрицание.

Вот человек был здоров, буквально ещё вчера у тебя были к нему какие-то банальные претензии, обиды, требования, обязательства и совместные шуточки. И нечто непередаваемое, что касается только вас двоих, но вообще-то есть у всех. Между двумя близкими людьми всегда есть некая общая особенность, которая понятна только им двоим. Вот моя мама всегда звонила не вовремя. Ох, как я любила посмеяться на эту тему!

Нет, подождите, это и правда забавно. Моя мама обладала суперсилой: она всегда умела выбрать самый идиотский момент для дежурного звонка «ты где?». Поймите, ваша мама тоже так делает? Ну конечно, они все, мамы, почти всегда звонят не вовремя. Я тоже уже

целых семь лет мама и, кажется, начинаю потихоньку осваивать это искусство. Например, недавно случайно позвонила ребёнку во время школьных уроков. Он выскочил в коридор и что есть мочи отчитал меня за беспокойство. Я так извинялась, что сразу вспомнила свою маму. Положив трубку, я потом долго улыбалась. «Видишь, – говорила я маме, – я от тебя не отстаю».

Ну, а теперь всё же о маме, которая не вовремя звонит.

Представьте себе ситуацию. Минус двадцать градусов мороза, ты идёшь, с ног до головы увешанная пакетами из продуктового, где случайно купленный лишний кусок курицы неудобно торчит из твоей сумки и рискует не добраться до кухни. Ты же пять минут как замужем, не умеешь готовить, да и времени у тебя на это нет, но ты отчаянно делаешь вид, что с хозяйством отношения на «ты».

На руках, разумеется, нет перчаток (ты же давно большая, мама не напоминает), мороз щиплет руки, щёки, нос и самоуверенность. Под ногами скользко, и ты очень быстро ими перебираешь в сторону дома, чувствуя себя грациозным пони, но по факту ты всего лишь двадцатипятилетняя дура, похожая на корову, которая забыла нормально одеться зимой, потому что уже или ещё «взрослая».

Совершенно нет никакого желания останавливаться, ставить продукты на обледенелый асфальт и лезть окоченевшими руками в сумку за телефоном, который столь настойчиво звонит.

Ты знаешь, что это она. И ты знаешь, что едва ты ответишь, она просто спросит: «Маш, ты где?!»

Ей просто ну очень надо прямо сейчас, в эту секунду знать, где ты именно и что всё в порядке. Ответить надо. Меня приучили с детства не врать родителям. А не взять трубку, когда ты слышишь звонок – как будто соврать. Родители как-то сразу радикально дали понять, что бывает, если не брать трубку. И это совсем другая история.

И вот ты ставишь сумки, достаёшь телефон, ворчишь в трубку, что всё хорошо, и обещаешь перезвонить. Потом, разумеется, вернувшись домой, ты отогреваешься, курица успешно добирается до кухни, рукам возвращается чувствительность, а вот сердцу не совсем, так как перезвонить маме ты забываешь. Дети из благополучных семей, как правило, забывают, потому что привыкли к тому, что всё всегда хорошо. Вспоминаешь в ночи: «Ой, мам, прости, я же давно дома...» – «Да я так и поняла, всё хорошо? Ну, спокойной ночи, целую».

Они, мамы, всегда всё понимают. И целуют.

Ты опаздываешь и бежишь по эскалатору в метро, и связь в твоём мобильнике тает на глазах? Но тут в кармане снова телефон.

– Алло, ма, что-то срочное?

– Нет, я просто хотела узнать, где ты.

Ну конечно!

Ты юрист, очень спешишь и вот уже одной ногой вошла в зал судебных заседаний, куда ты едва успела. А тут в сумке снова «звенит» мама спросить о твоём благополучном местонахождении.

Когда ты садишься в такси в шумной компании в проливной дождь, занимаешься очень хорошим

сексом с женщиной своей мечты или сидишь в кино, где вот-вот слеза упадёт с твоих ресниц, и ты готова признать – фильм попал в самое нужное место твоей отзывчивой души! Но понять не успеваешь, потому что... тоже звонит мама! И портит своим звонком самое нужное место. Просто она хочет узнать, где ты. Просто она интуитивно чувствует, как выбрать момент. Это же суперспособность! И я помню, что в один прекрасный день тоже овладею этим искусством. Но это я сейчас понимаю, десять лет спустя, а тогда – нет.

Тебя бесит её тревожная интонация. Ты же взрослая женщина, ты даже замуж уже вышла, ты понимаешь, что ты там, где безопасно, ты даже не работаешь там, где есть опасность, и вообще у тебя всегда всё хорошо. Особенно с женщиной. Особенно поздними вечерами. Но почему она звонит и так тревожно каждый раз вопрошает: «Ты где?!»

Потому что она уже болела. И ей было тяжело формулировать предложения, поэтому и говорила всегда одну и ту же фразу, так проще. А я не знала.

Всегда есть то, о чём ты не знаешь. Всегда есть слова, которые ты не слышишь, всегда есть правда, которая тебе неправда. Всегда есть параллельная тебе реальность. И она часто тебя совсем не устраивает. Даже если ты очень постараться к ней привыкнуть.

«Маш, ты где?!» – звенит у меня в ушах...

Ох, мам, ты знаешь, я бы сейчас всё отдала за твой звонок. Но ты ведь уже не позвонишь.

Если только во сне.

Но ты мне не снишься...

ПЕРВАЯ СТАДИЯ – ОТРИЦАНИЕ

– Маш, а почему вы уже два года живёте вместе, а детей всё так и нет? Ты не можешь забеременеть? – выдаёт однажды мама во время очередного моего визита в родные пенаты.

Я немного растерялась. Я думала, мы с мужем похожи на кого угодно, но только не на тех, кто «не может забеременеть». Интересно, куда подевалась деликатность мамы, что она мне в лоб задаёт такие идиотские вопросы. Это был ещё один признак, который я не замечала.

Мама имела два высших образования, шикарную память, отличное воспитание, поэтому её речь всегда была красивой, грамотной. Сама по себе она деликатный человек. И я до сих пор вспоминаю со смехом, как издалека она зашла и, скорее всего, очень долго готовилась к тому, чтобы поговорить со мной про «первый раз с мальчиком». Честно говоря, к тому моменту, как она созрела поговорить о мальчиках, я сама могла уже очень много о них рассказать, но не делала. Ну, вы поняли.

Мне тогда было примерно двадцать один, я собиралась в очередной раз куда-то гулять, мама заваривала чай. Осторожно наливая кипяток в заварочный чайник, она не менее осторожно поинтересовалась:

– Маша, я знаю, вы с Д. уже так давно общаетесь, и наверняка у вас... – И я едва не свалилась в обморок! Хотелось лопнуть от стыда, смеха и вообще глупо похихикать.

– Я не сомневаюсь, что вы всё знаете, понимаете, и я даже совсем не против! – Она словно извинялась. –

Просто хотела убедиться, что ты всё знаешь про способы контрацепции, – неловко закончила моя мама.

Мне был двадцать один, я ребёнок поколения MTV, про способы контрацепции, а также последствия неиспользования контрацептивов я знала, наверное, всё. И даже больше.

«Спит-спит-спит Оля с кем попало, а про СПИД-СПИД Оля не слыхала...». Мне было лет семь, когда этот «шедевр» кричал из каждой колонки вперемешку с хитами группы «Технология».

– Мам, а что это за песня? Почему Оля спит в резинках? У неё хвостик не болит? – каждый раз вгоняла я тогда маму в краску.

Теперь вгонять в краску пришла её очередь.

Итак, вернёмся на пять лет позже. Мне двадцать пять, я замужем, мы в той же квартире, и она каким-то невообразимым способом пытается поговорить со мной о беременности.

Я только что провела у неё два часа, мы поужинали, попили чай, посмотрели фото, поболтали, даже полежали на диване, и вот я собралась уходить к себе в новый дом, металась по комнате, словно раненая, потому что торопилась и немного опаздывала. И вот я одной ногой уже за дверью почти, и она мне задаёт такой вопрос, который требует длительного диалога.

– Ну мама!!!

И вот так всегда.

– Нет, мам, мы хотим детей, но пока просто не планируем.

Молчит.

– Да что с тобой, мам?!

– Ничего...

Почему я так мало её обо всем спрашивала?

Я всего лишь отвечала на вопрос, где я.

В том, что её что-то беспокоит, она призналась не мне. Моей старшей сестре Свете. Они всегда были словно подруги, а я младшая дочь для всеобщего воспитания. Оберегали они меня от всех бед тоже вместе.

Поэтому именно сестра первая из нашей семьи, кто прочитал эти пугающие строки: «Синдром умеренных когнитивных нарушений. С медленно прогрессирующими нарушениями...» и далее диагноз на четыре строчки неразборчивого почерка. Что все это значит – непонятно. Что нужно сделать, чтобы стало понятно – непонятно. Кроме как сделать огромный перечень дополнительных обследований, анализов и прочего.

Я, разумеется, ни о чём не подозревала и продолжала жить в том мире, где мамы – вечные, и с ними ничего не происходит.

Наверное, мои дети сейчас тоже так думают.

Тот год был для меня счастливым – я собиралась замуж. Мне было двадцать пять, и моя жизнь походила на сказку: настолько всё идеально складывалось. Так что от счастья вместе со мной замуж собиралась вся семья. Мы с мужем много работали (у нас с ним был свой маленький бизнес), планировали свадьбу, мероприятие должно было быть довольно большое, родственники съезжались со всего света. Мы много путешествовали и не считали дней от счастья.

На тот момент я уже год как жила с будущим мужем, поэтому свадебное платье привезла на хранение именно маме. Ведь будущий муж не должен ничего видеть.

Я прекрасно помню то равнодушие, которым она встречала все мои попытки привлечь её к свадьбе. Меня это поражало до глубины души.

Внутри меня поселилось чувство, что, отдав замуж старшую дочь, с младшей пережить это вновь уже не так интересно. И я немного отстранилась.

На свадьбе мама сказала очень короткую речь. Буквально что-то в духе: «Будьте счастливы!» – и всё, села на место. Почему у меня это не вызывало беспокойства, непонятно. Я думала лишь о том, что я маме больше не интересна.

Я знала, что у мамы есть некие претензии к состоянию своего здоровья, и все они мне казались не более чем милыми. Ведь она не могла пожаловаться на что-то конкретное, сформулировать мне точно, что не так. Поэтому мне казалось, что ей просто хотелось внимания и времени на себя.

Я чувствовала себя виноватой, что выпорхнула из маминого гнезда замуж, и, вероятно, она просто немного тяжело переживала этот момент.

Так вышло, что у мамы не было какого-то важного дела жизни с большой буквы, которому бы она посвятила всю свою карьеру. Она не была учителем, доктором, исследователем, писателем или музыкантом. У неё было два высших технических образования, она работала в своё время программистом, но в какой-то момент родилась я, сильно заболела, и всё своё время мама посвятила тому, чтобы поставить меня на ноги.

У меня были врождённые проблемы с почками.

Несколько лет мы скитались по врачам и больницам, пока они с папой не нашли «того самого» доктора. Он согласился взять меня на операцию и под своё крыло. С тех пор у мамы уже не было шансов – в больницах она проводила почти всё свободное время. А в свободное от больниц время она собирала мои анализы, давила вручную клюквенный морс, собирала целебные травы и, не переставая, искала новых и новых специалистов, которые могли бы улучшить положение моих дел.

С годами моё самочувствие улучшилось, больницы стали редкими, поэтому мама смогла вернуться на работу.

А потом волею судеб я попала в труппу детского театра, мама также влилась в коллектив активных родителей, которые ездили с труппой на гастроли, помогали детям, а также отвечали за разные технические моменты. Коллектив был очень дружным, я бы даже сказала, мы были семьёй.

Когда я выросла и перестала играть в театре, мама там осталась, более того, она стала главным бухгалтером и ещё долго вела бухгалтерию и занималась прочими делами театра.

Буквально незадолго до моей свадьбы она уволилась.

Я принялась не очень удачными способами пробуждать у мамы желание со мной поболтать. Но темы не находились вообще.

– Мам, привет! Как дела?

– Нормально.

- А ты ужинала?
- Ужинала.
- А что ты себе приготовила?
- Что-то приготовила. А какая разница?
- Ну мам, ну ты же любишь готовить?
- Да отстань ты от меня...

Но я была настойчива. Вскоре мама это поняла и покорно, без всякого интереса рассказывала, как порезала салат и потушила мясо.

Я звонила и доставала её расспросами, какие планы на день, а будет ли она вязать, а кого хочет пригласить в гости, и т. п. Ещё хуже, что я приезжала и заводила все эти заунывные разговоры лично.

Однажды мне пришла в голову гениальная идея. Мама шикарно вязала, но я давно не просила её ни о чём, а тут грандиозно замахнулась и попросила связать для меня огромную шаль. Типа пледа.

Боже мой! Через два месяца я получила самую кривую и, как оказалось впоследствии, последнюю, потому и любимую шаль от мамы.

Я ведь ещё не знала тогда, что первая стадия – это отрицание. И мой мозг изо всех сил пытался отрицать тот факт, что происходит нечто нехорошее. Что криво связанная шаль – это признак.

Чего-то очень страшного.

А тем временем заключения любых её исследований гласили: «патологии головного мозга не выявлено».

Это потом уже, в совершенно неожиданный момент они вдруг сменились на пугающие записи: «Синдром умеренных когнитивных нарушений с медленно прогрессирующими нарушениями, глазодвигательными

расстройствами и начальными признаками псевдобульбарных нарушений».

Ещё одна устрашающая абракадабра.

Но это будет позже. А пока мы наслаждались последними безоблачными деньками. Словно в затишье перед бурей.

Отношения у моих родителей закончились очень давно, я была ещё ребёнком. Но мой папа никогда не снимал с себя ответственности за наше с сестрой и мамой благополучие. Так и в этот раз, он сразу же пришёл нам на помощь и нашёл некую клинику, которая «лечит» тяжелые случаи «потери интереса к жизни» вроде маминых, заплатил внушительную сумму за лечение, и мы вроде как расслабились.

Каждый день она садилась за руль и ездил на процедуры, а потом заезжала побывать бабушкой к детям сестры. Нам стало спокойно: лечить маму начали, возникли ежедневные процедуры, выстроился график, и бурная деятельность вокруг этого события вращалась как никогда, так что упрекнуть нас в недостатке внимания стало теперь сложно.

Недовольной была лишь мама. Она называла клинику «шарлатанами» и жаловалась на то, что ей теперь только хуже.

Но я была слишком беспечна для того, чтобы обратить внимание на едва заметные подозрительные признаки болезни.

Именно этим болезнь и коварна – подкралась незаметно и потихоньку начала реализовывать свой подлый план необратимого уничтожения мозга.

А ты в это время сидишь где-нибудь с мужем в баре, смеёшься и думаешь, что мама опять звонит тебе не вовремя и смешно с тобой разговаривает.

Полный провал.

* * *

Однажды поздней осенью, сильно заранее готовясь к Новому году, я разбирала вещи и обдумывала последствия кризиса 2008 года, в частности то, что мы с мужем решили закрыть наш микробизнес, так как в новых экономических условиях это оказалось самым лучшим решением. И мне было, мягко говоря, не весело.

Позвонила моя сестра. После очередного безрезультатного исследования у неё больше не было сил скрывать все подробности, и она решила, наконец, всё мне рассказать.

– Летом мы сделали с мамой МРТ, я возила её по рекомендации к одному хорошему неврологу.

– Каждому хорошему неврологу нужен хороший невролог, – как обычно, отшучивалась я.

– Она привлекла даже одного известного профессора, который пишет учебники по неврологии. Его подпись стоит на документах...

– Ну, и?

– В общем, коротко, итог такой: есть некая болезнь, непонятно какая. Нужно делать массу обследований, болезнь будет прогрессировать. И вроде как она может продолжать вести привычный образ жизни, сколько сможет.

– Сколько сможет? В смысле? – я решила, что это шутка.

Ведь мамы не болеют. Не болеют же?

Светин голос изменился, стал немного хриплым от волнения.

– А потом эта невролог вышла со мной в коридор, чтобы мама не слышала, и сказала, что расслабляться нельзя, потому что через пару месяцев она превратится в «овощ» и будет лежать в таком состоянии много лет.

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА